

Проблема взаимоотношений советских адвокатов с судьями и прокурорами в первой половине 1930-х гг. Олейник И. И.

*Олейник Ирина Ивановна / Oleynik Irina Ivanovna – доктор юридических наук, профессор,
кафедра теории и истории государства и права,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Ивановский филиал), г. Иваново*

Аннотация: на основе архивных источников показывается, что в рассматриваемый период со стороны судей и прокуроров часто проявлялось пренебрежительное отношение к адвокатам, которые пытались выступать против принижения своего значения. Однако при этом адвокаты мало могли повлиять на сам характер политизированного советского судопроизводства.

Abstract: the archival sources prove that in the shown period judges and prosecutors often disdain lawyers speaking out against their importance belittling. However, lawyers could hardly affect the Soviet legal politicized proceedings nature.

Ключевые слова: советские адвокаты, советская юстиция.
Keywords: Soviet lawyers, Soviet justice.

Характеризуя статус советских адвокатов – членов коллегий защитников (ЧКЗ) в обозначенный период, важно подчеркнуть, что коллегии, в которые они входили, рассматривались как своего рода кооперативные хозрасчетные организации. Коллегии не являлись государственными учреждениями, а ее члены – государственными служащими. Сохранявшаяся относительная «дистанцированность» этой категории юристов от номенклатуры партийно-государственных структур в известной мере позволяла им пользоваться в своей профессиональной деятельности некоторой организационной автономией [1, с. 127]. Однако на протяжении рассматриваемого периода она все более сокращалась. Кроме того, в системе советского судопроизводства складывались достаточно напряженные отношения между защитниками и судебно-прокурорскими работниками.

Об этом убедительно свидетельствуют архивные материалы органов юстиции Ивановской промышленной области (ИПО), включавшей в свой состав в 1929–1936 гг. территории современных Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей, т. е. практически всего Верхне-Волжского региона.

Анализ источников показывает, что многие судебно-прокурорские работники считали защитников, так же как и юрисконсульты, одинаково «вредными» институтами, различающимися лишь тем, что за защитниками наблюдали суды, а за юрисконсультами – прокуратура. Со стороны судей и прокуроров «в кулуарах» нередко звучали заявления, что в советском суде защитники вообще не нужны, что они не помогают суду, а своими выступлениями лишь путают дело и осложняют его рассмотрение [2, л. 120, 127].

Констатируя недопустимость подобного отношения, второй съезд ЧКЗ ИПО в декабре 1931 г. принял решение «просить облсуд дать директивные указания судебно-прокурорским работникам районов о взаимодействии с ЧКЗ» [2, л. 7]. Однако данная проблема сохранялась и в последующие годы. Вот лишь один пример. В августе 1934 г. на имя прокурора Ильинского района поступила жалоба от М. М. Беляевой на действия народного судьи И. В. Эльпидинского, со стороны которого она постоянно испытывала оскорбления и притеснения по работе. «Если иду в суд смотреть какое-либо дело по просьбе жалобщика, – писала она, – то лучше мне провалиться сквозь землю... Я знаю, что каждый приход сулит мне одни лишь оскорбления со стороны Эльпидинского, работа валится из рук и думается, за что же я так мытарюсь? Я, допущенный законом защитник, сама не могу защитить своих законных прав» [3, л. 16]. Подобного рода жалобы поступали и от защитников городов Владимира, Костромы, Ярославля [2, л. 121, 123, 123а]. А защитник Ф. П. Гусев из Костромы в 1934 г. призывал своих коллег в таких случаях занимать как можно более жесткую позицию: «В тех случаях, когда будет зарываться любой прокурор, ему нужно давать резкий отпор» [2, л. 124].

На III съезде ЧКЗ ИПО в январе 1934 г. защитник из г. Иванова М. И. Оленев отметил, что еще широко были распространены случаи, когда судебные работники относятся к ЧКЗ «как к излишнему балласту в судебной работе». А между тем, «по идее нашего революционного законодательства, – продолжал он, – защитникам отводится одинаковая роль с прокурором в судебном процессе» [2, л. 122]. Защитник П. М. Фрязинов из г. Гаврилова Посада свидетельствовал: «Мне часто судья говорит, что Ваше выступление нужно не для суда, а для публики, и часто бывает, что до моего выступления уже написан приговор и приходится чувствовать, что мне незачем и выступать» [2, л. 127]. Его коллега из г. Солигалича А. М. Сперанский признавал, что защитники на местах недостаточно гарантируют права

подсудимых, в чем сильное противодействие оказывают судьи, доходящие до откровенного преследования ЧКЗ. Он привел пример, когда приговор по делу был predetermined еще до судебного разбирательства («Судья до суда говорил, что мера репрессии уже намечена и защитник тут ни к чему») [2, л. 120]. В ответ на это председатель облсуда И. Г. Волков обвинил Сперанского в том, что тот «не понимает своего места в судебной системе, не усвоил себе необходимости быть политически подкованным». Он обрушился на ЧКЗ с суровой критикой, указывая, что «часто защитники недопонимают политического существа дел, сдерживают местные суды от широких массовых ударов» [2, л. 121].

В середине 30-х гг. стало больше обращать внимания на увеличение партийной прослойки среди ЧКЗ. Как недостаток отмечалось, что у некоторых ЧКЗ – членов ВКП(б) – существовало мнение, что «выступать в суде – это дело беспартийных, а партийному человеку место лишь на трибуне обвинителя» [4, с. 14].

В 1935 г., требуя повышения качественного состава ЧКЗ, Прокурор СССР А. Я. Вышинский высказывался за увеличение в их среде числа коммунистов, говорил о недопустимости предубежденного отношения к ним со стороны партийцев. «Нам нужно добиться такого положения, когда бы коммунисты умели защищать и не считали бы для себя зазорным участие в нашей судебной работе в качестве защитников» [5, с. 16]. Однако до конца 1930-х гг. число коммунистов среди ЧКЗ в Верхне-Волжском регионе так и не превысило 10 % [1, с. 142].

В рассматриваемый период в своей работе ЧКЗ не могли избежать «политизации». Им навязывалось выполнение несвойственных функций. Так, на II съезде ЧКЗ ИПО в декабре 1931 г. указывалось, что защитник, работающий в советских условиях, «должен способствовать правильному решению дела в соответствии с Директивами Партии и Правительства», и потому всем ЧКЗ было предложено вести свою работу «на основе генеральной линии Партии и директив Правительства» [2, л. 17, 86]. В июне 1933 г. президиум областной коллегии защитников ИПО указал ЧКЗ из г. Вичуги Ф. Н. Есмантовичу, что в обязанность защитника входит не только знание законодательства, но и повышение своего идейного уровня, а также оценка каждого дела «с общественно-политической точки зрения» [2, д. 2, л. 54]. Когда защитник Б. Г. Машталер направил жалобу в президиум облсуда на одного из судей, который своими действиями нарушил нормы Гражданского процессуального кодекса, был дан ответ, что «кажущееся противоречие закону ...на самом деле объясняется классовым подходом и соответствует линии партии» [2, л. 4].

Показателен в этой связи обращенный к коллегам – участникам III съезда ЧКЗ ИПО в январе 1934 г. – призыв П. М. Фрязинова из г. Гаврилова Посада: «Мы должны смягчать суровость эпохи» [2, л. 127]. Не менее характерна и реплика на это высказывание представителя облсуда С. К. Лялякина: «Мне непонятно, что хотел сказать Фрязинов, говоря о «суровости эпохи». Мы переживаем такую эпоху, когда требуется от людей вложения в дело социалистического строительства всех своих сил и способностей, а есть люди, которые не только ничем не участвуют в работе, но вредят нашему строительству, и мы с этими людьми должны вести суровую борьбу» [2, л. 128].

В целом, защитники очень мало могли влиять на систему советского правосудия, поскольку были лишены многих процессуальных прав (например, не допускались к досудебным процедурам, не имели возможности конфиденциального общения с подсудимым и т. д.) и нередко подвергались фактической дискриминации как со стороны судебно-прокурорских, так и партийных органов за попытки отстаивать приоритет законности, а не политической целесообразности в судебной практике.

Конечно же, нельзя представлять дело так, что прокуроры и судьи чинили расправу над людьми, а защитники пытались спасать. Все они являлись работниками органов юстиции и не могли не считаться с реалиями складывавшихся политико-правовых отношений, а во многом и сами принимали активное участие в их поддержании. Среди и тех, и других встречались примеры высокой квалификации и образцы добросовестного отношения к своим обязанностям в то непростое время [6, с. 21]. Но эти качества получали негативное преломление под воздействием либо веры в историческую оправданность существовавшей системы советской юстиции, либо вынужденного следования практическим требованиям политизированного правосудия.

Однако даже в условиях идеологического и административно-политического диктата многие защитники пытались выступать против принижения своего значения, отстаивать свою роль в суде, стремились обеспечить соблюдение прав граждан и старались честно следовать своему профессиональному долгу.

Литература

1. Олейник И. И. «Легионеры советского права»: Кадры органов юстиции Верхне-Волжского региона в 1929–1936 гг. Иваново: ИГЭУ, 2003. 279 с.
2. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 1.

3. Государственный архив Ивановской области. Ф. П-1217. Оп. 1. Д. 2.
4. *Тагер А.* О советской адвокатуре // Социалистическая законность. 1936. № 10. С. 14–18.
5. *Вышинский А. Я.* Наши задачи // За социалистическую законность. 1935. № 5. С. 13–16.
6. *Олейник И. И.* Юристы и власть: кадры работников органов юстиции в 1929–1936 гг.: (На материалах Ивановской промышленной области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1998. 27 с.